

Клецк — довольно большое местечко Новогрудского уезда, большею частью застроенное деревянными домами, с огромнейшею площадью и квадратным гостиным двором, — весь лежит в долине и окружен самым живописным видомъ горъ, рощицъ, луговъ, озеръ и живописной рыбной рѣки Ланы, обсаженной вербаши, черемухой и мелкою ольхою.

Клецкъ никогда былъ горотомъ, имѣлъ свою крѣпость и замокъ, съды каменнаго фундамента котораго, равно какъ и валы, обведенные широкимъ ровомъ, сохранились до настоящаго времени съ Несвижскаго вѣзда; не такъ давно, возлѣ валовъ, въ глубокомъ, случайно провалившемся отверстіи, найдено нѣсколько обломковъ оружій и монетъ времени татарскихъ. Я случайно купилъ три такіа монеты да, кромѣ того, одну римскую, съ изображеніемъ императора Антонина и съ надписью: «Antoninus-Augustus». О Клецкѣ, какъ горотѣ, упоминается въ древнихъ лѣтописяхъ. Парубѣтъ, описывая войну русскихъ съ татарами въ концѣ XV столѣтія, приводитъ слѣдующее замѣчаніе: «Татары *поводили* (думали) заочно, што царевичи (русскіе) конемъ стоять подъ *городомъ* Клецкомъ» (26). Изъ тѣхъ же лѣтописей видно, что Клецкъ, въ качествѣ города, повѣстанъ былъ еще въ XIII вѣкѣ и былъ торговымъ мѣстомъ, имѣвшимъ свой судъ и расправу *на волости* (то есть на сѣбѣнія деревни и селенія). Въ концѣ XIV вѣка Клецкъ присоединенъ былъ къ владѣніямъ великаго княжества Литовскаго, и въ каменномъ его замкѣ проживали побочныя дѣти Ягелла, изъ которыхъ одинъ сынъ женился на клецкой красавицѣ-мѣщанкѣ и, для избѣ-

(26) Narbut, Pomniki do dziejow Litew. Naroda, str. 76, § 155.

жана толковъ, поселился за городомъ, надъ рѣкою Ланею, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится хуторъ Радзивилюмъ, съ довольно щегольскимъ палацомъ, перешедшій въ настоящее время, въ свѣдѣніе родства съ Радзивиллами, къ Витгенштейнамъ. Въ XVI вѣкѣ Клецкъ вошелъ въ составъ польскихъ королевскихъ мѣщій, а въ Сигизмундъ-Августъ подарилъ его женѣ своей Бонѣ. Въ 1503 году Клецкъ былъ свидѣтелемъ татарскихъ набѣговъ. Ора перемосскихъ татаръ, ворвавшись въ городъ, жестоко опустошила и превратила въ развалины какъ самый горотъ, такъ и древній замокъ; разорванные и почти нагѣ жители принуждены были спастись бѣгствомъ въ лѣса, послѣ чего многіе основали на новыхъ мѣстахъ. Не успѣвъ Клецкъ немножко отстроиться, какъ та же ора въ 1506 году изумала повсѣршествовать опять на сѣвѣжхъ развалинахъ разграбленнаго ею города. Впрочемъ, на этотъ разъ татары были наказаны за свою жестокость: ихъ встрѣтилъ здѣсь князь Михайлъ Глинскій пушечною палубою и, несмотря на многочисленную ихъ дружину, состоящую изъ тридцати тысячъ человекъ, разгромилъ такъ, что они едва спаслись отъ смерти въ числѣ семи тысячъ... Стычка эта произошла подъ Клецкомъ, близъ Темнаго озера, соприсосновенаго съ рѣкою Ланею, и продолжалась болѣе трехъ часовъ. Русскіе съ ожесточеніемъ убивали татаръ и все озеро наполнили кровью, такъ что Темное озеро въ то же время переименовано было въ Красное (Красный Ставъ). Вотъ что сказано въ лѣтописи объ этой стычкѣ: «Михайла Глинскіа началъ справовати войскомъ и потегнути ко Клецку, а напередъ нѣсколько сотъ коней отпиралъ и какъ пришла подъ Клецекъ, къ рецѣ Ланѣ до Краснаго Ставу отъ полудни и въ горы чрезъ рѣку въреди полки татарскіе, стоячи на поготове на бой и большы трехъ часовъ билася съ ними обь рѣчку» (27). Слѣды могилъ убитыхъ въ этомъ сраженіи татаръ сохранились доселѣ въ видѣ кургановъ и насыпей между рѣкою Ланею и Краснымъ Ставомъ. Нѣсколько сотъ татаръ взято въ плѣнъ, и такъ какъ начальство ораи отсеклось отъ нихъ и не думало выкупать ихъ, то они остались въ Клецкѣ и сѣбѣжихъ мѣстечкахъ и такимъ образомъ сдѣлались осѣлыми жителями Бѣлоруссіи. Теперь ихъ въ Клецкѣ не болѣе ста человекъ: они включены въ шляхетское званіе и живутъ въ особой, отдѣльной улицѣ, извѣщаемася званіемъ *Татарской слободы*, имѣютъ свою домашнюю школу — мечеть, и ведутъ жизнь трудолюбивую, опрятную и миролюбивую; въ ихъ слободѣ не слышно ни разгуга, ни шума, ни

(27) Narbut, Pomniki do dziejow Litew. Nar., str. 77, § 146.

шумиць, ни плясокъ: всегдашняя тишина и спокойствіе господствуютъ между ними; они больше держатъ своего общества, хотя не чуждаются знакомства и съ христіанами, но вслѣдствіе, по возможности, избѣгаютъ сношеній и столкновеній съ жидами. Мужчины носятъ костюмъ бѣлорусскихъ мѣщанъ, то есть ходятъ въ смазныхъ, выростковыхъ сапогахъ, сѣрыхъ, длинныхъ, съ фалдами у талия, кафтаняхъ, съ отложными воротничками и въ шапкахъ съ козырьками. Женщины сохранили свой національный костюмъ: онѣ носятъ яркіе, пестрые, но широкими рукавами; плечи покрываютъ красными, длинными платками; на шею въшаютъ по нѣскольку сурковъ крупнаго бисера, съ разными коралловыми и серебряными фигурками, также бусами, переходящими въ ролю въ ролѣ и сохранившимися у нихъ, кажется, со времени ильинчества; въ уши вкладываютъ огромныя серебряныя серьги; головы покрываютъ пестрыми яркими цвѣтовъ платками въ видѣ чалмы, съ большими надъ лбомъ узлами и длинными по бокамъ головы концами; ноги болѣею частью обуваютъ въ коротенькіе сапожки съ подковками и красными каблучками: такъ какъ ноги у татарокъ маленькія, то такая обувь какъ нельзя лучше идетъ къ нимъ и обрисовываетъ всю фигуриность и красоту ихъ. Мужчины сохранили типическій, смуглый цвѣтъ лица; женщины дѣлаются замѣтно блѣдѣ въ сравненіи съ своими прабабками и бабками, поселившимися въ мѣстечкѣ, съ XVI столѣтія; и мужчины и женщины болѣею частью обезображены освою. Главная, отличительная черта клецкихъ татаръ — честность, гостеприимство и аккуратность, татарокъ — скромность и неподкупная цѣломудренность: татарки ходятъ съ новыми головами и, когда говорятъ съ кѣмъ либо постороннимъ, стыдливо прищуръ глаза отъ пытливыхъ и нескромныхъ взглядовъ. Въ домахъ у нихъ необыкновенная чистота и благоустройство; та только бѣда, что тамъ область насъ подѣ часъ запахомъ луку или кожъ. Это потому, что татары зашиваютъ коженнымъ производствомъ, а татарки — приготовленіемъ луку и чесноку на весь Клецкъ. Это главный предметъ промышленности клецкихъ татаръ: они доставляютъ кожи не только въ свое мѣстечко, но и въ сѣбѣнія деревни, села и даже немалое количество ихъ сбываютъ въ Ценри, Лиховичи, Столбцы и въ Несвижѣ — на плавѣтную Михайловскую ярмарку; что же касается до луку, чесноку и вообще всякихъ огородныхъ овощей, то татарки владѣютъ какимъ-то секретомъ выращивать ихъ гораздо въ большѣмъ видѣ, чѣмъ это бываетъ у русскихъ мѣщанъ клецкихъ: ихъ луквицы бываютъ величавыя съ порядочную рѣпу, ихъ картофеи —

красный, необыкновенно вкусный, рассыпчатый и не водянистый; их морковь и свекла — сочны и даже зимой имѣютъ вкусъ такой же, какъ и летомъ. Всѣ эти продукты, равно какъ и великую зелень, вы найдете у нихъ въ самую жестокую зиму и къ веснѣ, и притомъ найдете безъ всякаго поврежденія и въ большомъ количествѣ... Летомъ татарки какъ бы не существуютъ для мѣстечка: всѣ онѣ, съ дочерьми, проводятъ цѣлые дни въ огородахъ на поляхъ; зимой, по воскресеньямъ и пятницамъ, вывозятъ на рынокъ свой товаръ огромными возами и сбываютъ его приѣзжимъ помѣщикамъ и однодворцамъ. Но вотъ что странно: очень рѣдко удается кому нибудь достать у нихъ сѣмяна какихъ либо овощей. Татары не чужды образования: они отдаютъ своихъ дѣтей въ народные училища, и изъ нихъ выходятъ бойкіе ученики, казняющіе склонность къ математикѣ, физикѣ и отчасти медицинѣ.

Такъ какъ Клецкъ переходилъ по-очереди во власть различныхъ по религіи народовъ, то и храмы въ немъ были разныхъ исповѣданій. Судя по славянской надписи, существующей на одномъ надгробномъ памятникѣ православной церкви, во имя св. Ирины, съ пятью куполами, и по свидетельству актовъ литовской метрики, должно думать, что эта церковь, если не въ настоящемъ, то въ древнемъ древнемъ видѣ, существовала въ Клецкѣ раньше всѣхъ прочихъ христіанскихъ храмовъ. Нынѣшняя, деревянная церковь св. Ирины стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ была и первоначально, каменная, именно въ концѣ самого города, съ Несвижскаго гдѣзда, на довольно крутомъ взгоріи, и окружена погостомъ, засѣяннымъ могилами усопшихъ; въ ней есть нѣсколько иконъ древней восточно-византійской живописи; особенно замѣчательна икона св. Ирины. Во время храмового праздника у подошвы взгорья бываетъ небольшая ярмарка: народъ стекается изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ. Не менѣе древняя и другая православная церковь (каменная) — во имя св. великомученика Георгія: на стѣнахъ ея въ подвѣшенъ славянская надпись 1589 года, какъ будто умышленно сделанная рукою мѣстнаго жителя для засвидѣльствованія потомству о посѣщеніи годъ клецкаго православія, потому что слѣдующіе годы принесли новую вѣсть о вѣроповѣданіи греко-уніатскомъ: еретики Юрьевская и Иринская отторгнуты были отъ православія и перешли уніатскими до воссоединенія уніатовъ съ православіемъ въ 1839 году (марта 25). Памятникомъ первого соединенія Литовскаго, или, такъ называемой, Литовской Руси, съ Польшею, въ 1386 году, служить въ Клецкѣ соборный костелъ (фаера), построенный, по желанію королевы Бони, въ 1450 году. Судьба фаеры имѣ-

нилась во второй половинѣ XVI вѣка, во времена могущества Радзивилловъ, владѣвшихъ Клецкомъ. Въ 1552 году Радзивиллъ Черный (Николай), увлекшись ученіемъ Кальвина, обратилъ фаеру въ хранилище кальвинскую и, чтобы поддержать распространеніе покровительствуемаго имъ ученія, завелъ при фаерѣ типографію и велѣлъ напечатать множество сочиненій въ духѣ кальвинизма. Подъ конецъ жизни этотъ же Радзивиллъ предался арианству, и вотъ фаера сдѣлалась общиною арианъ. Въ этомъ случаѣ много дѣйствовало извѣстный арианецъ Ома Фальконіушъ, который съ ожесточеніемъ пресѣдовалъ и православіе, и католицизмъ, и кальвинизмъ. Нынѣ фаера по прежнему принадлежитъ римско-католическому вѣроповѣданію. Кромѣ фаеры есть еще *доминиканскій* костелъ, построенный, въ 1683 году, католикомъ Станиславомъ-Казиміромъ Радзивилломъ.

Въ клецкомъ народѣ до сихъ поръ хранится преданіе, что Клецкъ когда-то былъ большимъ городомъ и имѣлъ свою ратушу, и разныя присутственныя мѣста, что въ немъ было до десяти русскихъ церквей, которыхъ колокола раздавались на прострѣтвѣхъ нѣсколькихъ десятковъ верстъ въ округности. Народъ и теперь указываетъ на мѣсто, гдѣ было здание ратуши. Впрочемъ, и безъ этого преданія есть живые памятники городскихъ постановленій Клецка: нынѣшніе торги по пятницамъ суть не что иное, какъ древнее пасадіе прежнихъ городовъ, доставлявшихъ правительству сборъ и мыто со всѣхъ привозимыхъ товаровъ. Нынѣ эти пятницы въ Клецкѣ всегда бывають оживлены: сбѣзжаются крестьяне, однодворцы и мелкая шляхта съ окрестныхъ застѣнковъ; кто везетъ рожь, пшеницу и гречиху, кто — полотно, ленъ, сохи, колеса и другія изделия сельской мануфактуры, а кто тащить куръ, гусей, индюшекъ, барановъ и кабановъ. Все это сбываютъ выгодно и на вырученную деньги закупать у татаръ кожи, дукъ, картофель, горохъ, кукурузу, рѣпу, морковь и проч., а у жидовъ — главныхъ представителей клецкаго гостиннаго двора — красивые и галантерейные товары, а также табакъ и готовое платіе. Площадь покрыта народомъ всѣхъ типовъ: здѣсь близуютъ жиды и жидовка, здѣсь глазуютъ *шераки* и долговольные однодворцы; здѣсь плетется баба въ наметкѣ и синемъ андарахъ; здѣсь рыцуютъ черноволосый цыганъ и блондубал, смуглая цыганка; здѣсь наконецъ солидно расхаживаетъ и, покуривая трубку, разговариваетъ съ белорусскимъ хлопцемъ и бѣзкомъ серьезный татаринъ.

Нынѣ въ Клецкѣ находятся Управление Становаго Пристава и отдѣленіе мѣщанскаго цеха.